

ВАСИЛИЙ КУРОЛЕСОВ сидел в своем любимом кресле и смотрел телевизор.

Все было спокойно. Никого он не трогал и никому не мешал. Диктор с экрана бормотал какую-то очередную чепуху, а Василий с усмешкой внимал его новостям – как ведущий ни старался впаривать аудитории свои гуманитарные идеи, в итоге все равно решают деньги! Банальный гонорар. А диктор как будто услышал эту иронию. Его взгляд оторвался от бумаг, очки поднялись. Журналист внимательно посмотрел на Куролесова и потом внаглую спросил: «Ну, что уставился? Не нравится – выключи. Противно выступать из-за таких вот, как ты, оболтусов. Сидите в мягких креслах, ничего не делаете! Только и знаете, что обсуждать да надсмехаться. А вы хоть раз задумывались над тем, сколько нас, работников информационного фронта, погибло за правду! Вот сейчас встану и набью тебе морду!»

Такого Василий не ожидал. Он еще никогда не разговаривал с телевизором. Однако телезритель не растерялся.

– А ты встань, встань! Вылезь из своего ящика. Облажайся! Ты что, не видишь разве, что рядом с моим креслом клюшка стоит. С инвалидом-то легче справиться! Ты что думаешь – я от хорошей жизни бездельем маюсь, и на постную рожу твою люблюсь? Да будь у меня силы – я тоже, может, журналистом бы стал и репортажи похлеще тебя писал бы. Я же после инсульта. Не заладилось у меня, брат, что-то со здоровьем... А ты – «рожу набью...». Также мне, гуманитарий, – уже орал Куролесов в сторону экрана.

Человек с телевидения сидел красивый, как вареный рак. Он и вправду не увидел клюшку и думал, что перед ним обыкновенный скучающий обыватель.

– Так ты, значит, с дефектом. Извини, не заметил: ты ведь в кресле. А так не видно... Слушай, раз такая фишка вышла и мы тут разговариваем... Я на одной стороне, ты – на другой. Так пойдем ко мне. Как, куда... В мир кино. И ножки твои починим. Это же телевидение! Целая индустрия чудес! – затараторил диктор и протянул руки с экрана Куролесову.

А тот всегда чувствовал, когда надо хватать удачу за хвост. Интуиция Куролесова никогда не подводила. Вот и сейчас, абсолютно не удивляясь нестандартности ситуации, Василий уперся в клюшку и поковылял в сторону телевизора. Руки ведущего, едва телезритель приблизился к экрану, схватили того и затасили на свою сторону. Если бы кто был в комнате, только бы и увидел, как в голубом проеме телевизора скрылись чьи-то ноги в домашних поношенных тапочках. Но дома никого не было. Жена на работе, дети в школе.

Куролесов свалился прямо под стол к своему новому знакомому. Журналист помог ему встать и отряхнуться – пол в студии был очень пыльным.

– Ну, что дальше? – спросил телезритель. – Ты что-то про мои ноги обещал...

– Сейчас посмотрим. Не переживай. Все сделаем, – у журналиста в руках уже шуршала газета. Он смотрел программу телепередач. – Ага, по второму каналу – сказка. Это то, что надо. Поехали к Бабе-яге!

Он вытащил из кармана пульт и нажал кнопку, и два еще недавних противника оказались в избушке на курьих ножках. Василий ожидал попасть в грязный неухоженный дом с нематыми полами и запахом несвежих носков, но, как ни странно, внутри все было чисто и аккуратно. А мерный стук «ходиков» располагал к хорошему и доброму настроению. Сама старушка была, конечно, не красавица. Классический яговский нос крючком, одиноко торчащий из-под верхней губы желтый зуб, куча всяких амулетов, цепочек и колец, которые шуршали и звенели, как сбруя у лошади. И, конечно

СКАЗКА ГРЕЗ

Интуиция никогда не подводила Василия Куролесова

КОЛЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

же, помело, которое бабка вечно таскала за собой. Вот и сейчас она тыкала его древком в Куролесова и обращалась к журналисту: «Это что такое! Ты кого припер? Ведь он же из простых, из смертных! Ну и что, что у него ножки не работают? Я не из армии спасения. Также мне, альтруист нашелся!»

– Ну, бабуля, – взмолился работник телевидения. – Выходит, я сюда зря человека тащил! Да и виноват я перед ним. Ну, помоги, старая. А я тебе за это положительную статью про жизнь твою таежную напишу. Что, мол, ты лесникам помогаешь по охране природы там всякой... И детей любишь – кормишь их, поишь, жалеешь и даже ни разу ни одного не сожрала! А если на метле, то и поля колхозные орошать можешь. Да что тут говорить – все знают, что ты клевая бабка! Я даже уже статью писать начал, – и журналист замахал кипой бумаг перед носом старухи.

– Вот жук, – подумал Василий, – ведь умеет же...

И вправду, Баба-яга засмушалась, зарделась... Хитрая, лукавая улыбка заиграла на ее лице. Инвалиду даже показалось, что она ему подмигнула: «Вот, мол, я какая! Не так себе...» И уже оступив от дифирамбов, она обратилась потом к гостю.

– Лягушек, червей ешь? – без обиняков спросила она. – Нет? А как же... Мы же городские – дюже кучерявые. А вот журналист твой вчера с тобой из тараканьего помету хлебал. И ничего – выжил. А ты разве не знал? – тут она заметила, что диктор поbledнел, закатил глаза и, зажав рот

руками, выскочил из избушки. – Ну, извини, – посмотрела Баба-яга вслед журналисту и потом опять переключила внимание на Куролесова. – Да, ошибочка вышла... Предупредить не успела... Но они жрут как – оглянуться не успеешь! Но тебя это не касается! Если выздороветь хочешь – все съешь и выпьешь. Сейчас я тут покумекаю, поколдую... А вы посидите пока, чайку попейте. Чайку, я сказала! – повысила голос старуха и усталилась на уже вернувшегося, но все еще зеленого после «тараканов» журналиста. – А не как в тот раз! Лучше уж таких приводи, а не алкашки, что потом ни бражки, ни посуды, даже одеколону в доме опосля вас не сыщешь!

– Это кого это я приводил? – теперь уже начал возмущаться работник информационного фронта. – Каких это всяких-яких! Я же с Кашеем был. Он же вроде как дружан твой. Товарищ по работе, так сказать...

– Тамбовский волк ему товарищ! – заорала Баба-яга. – Водку халиявную трескать – вот и вся его дружба! Одно у него занятие – пьянствовать да яйцо свое волшебное оберегать. Носится с ним, как дурень с писаной торбой. Да было бы что беречь! Оно, говорят, еще и некондиционное. Мало того, что единственное, так еще и с какой-то дрянью внутри! А сколько он у меня назанимал! Ведь еще Пушкин писал: «Над золотом чахнет». И что противно – чахнет ведь жмотяра проклятый, а денег не отдает! Ты, милоч, не бери мне душу, пока я готовлю. А то у меня вместо снадобья лечебного отвара кака выйдет.

Одним червячком больше, одним меньше – тут значение огромное. Аль не знашь, если баба на кухне – лучше ее не трогай. Еда и та невкусная получится, а тут лекарство... Так что сидите, чай пейте и не вякайте.

Через определенное время Яга, и вправду, дала отведать Куролесову какую-то дрянь. Дрянь была отменной. И на запах, и на вкус – и чего она туда натолкала... Но, к удивлению страждущего, это помогло! После третьего стакана тот почувствовал, что сейчас может встать без опоры. И ни за что не цепляясь! И действительно, Василий поднялся. Наступил сначала на одну ногу, потом на другую. Его не вело ни влево, ни вправо. Все работало!

– А ведь я на самом деле попал в страну чудес! – подумал Куролесов и стал отмерять шаг за шагом по колдовской избушке, наслаждаясь плавными, гармоничными движениями. Ноги с непривычки уже гудели – просыпались атрофированные мышцы. Он неожиданно тогда еще подумал, что теперь знает, что чувствует женщина, когда рождает – страдания и радость обязательно должны быть вместе...

А потом Василий Куролесов наслаждался телевизионной жизнью, общаясь с артистами, певцами и прочими знаковыми фигурами. Весь боюнд был у него под рукой. Шварценеггер оказался скучным и занудным человеком, заикленным только на своих мышцах, Брюс Ли – драчун, Роберт де Ниро – потрясающее чувство юмора и бабник ужасный. Элтон Джон – странный

и скрытный тип. Фред Меркури – фанат любви. Только и разговоров, что о ней. В общем, много увидел телезритель в мире чудес. Даже с Бабой-ягой успел подраться – уж больно та ехидной была. А Кашей... действительно, жмот, каких свет не видывал, даже сигареткой ни разу не угостил. Зато чужие «стрелять» – мастак! Правильно ему в сказке яйцо разбили!

Так бы Василий и мотался по всяким передачам и фильмам, довольствуясь своим здоровьем и свободой передвижения, пока его однажды не позвонил знакомый диктор, с которого все и началось: «Иди, посиди со мной. Я сейчас новости читать буду. Криминальные...»

Сначала, правда, ничего особенного не было, если можно так выразиться – убийства, драки, кражи... А вот последнее сообщение взволновало Куролесова. Ведущий объявил о его пропаже! Мол, такого-то числа, в таком-то городе, из своей квартиры исчез инвалид второй группы – Куролесов Василий батькович, такого-то года рождения, и до сих пор отсутствует. Приметы, рост и т.д. ... Василий по другую сторону экрана вдруг увидел всю свою семью, что сидели сейчас перед телевизором и слушали эти новости. В его сторону смотрели заплаканная супруга и ничего не понимающие, удивленные его отсутствием дети.

– Сколько я тут у вас торчу? – спросил Куролесов. – Уже месяц! Ничего себе! Надо сматываться. Хорошо у вас, но пора и честь знать.

Журналист как-то странно посмотрел на него – задумчиво, исподлобья. А потом сквозь зубы процедил: «Навряд ли ты вернешься. Нет, тут сложностей особых не будет... Хотя сейчас перелазай через экран. Но пойми – там уже не сказка. Там жизнь! Ты опять станешь хромым. Уродом то есть. А кому ты такой нужен!»

– А ты разве не видишь, – вздохнул и потом усмехнулся Куролесов в ответ. – Уже месяц прошел, а моя Наташка до сих пор в слезах. Да и дети без присмотра... Они же ждут. Неужели не понятно? Ваши сказки, как реклама жвачки – красиво, а невкусно. Жизнь интересней. Ты уж извини. Я к своим пойду... Черт с ними, с этими ногами.

...Едва наступила ночь и в квартире Куролесовых все заснуло из телевизионного приемника, на пол вывалился пропавший месяц назад инвалид. Грохот получился ужасный. На шум сразу сбежались все домашние – и сын, и дочка, и жена Куролесова. Дети тут же запырпали вокруг: «Папа! Папа вернулся!» А жена редела и причитала: «Да как же... Да где ж ты... Роденьский!» И целовала мужа, целовала... В губы, в маковку, даже в уши. Тепло ее рук не могло обмануть – она любила его! Даже такого плохонького, кривенького – а любила! А он, дурак, в телевизоре прятался.

На этом сказка не закончилась. Забыв про свои ноги, Куролесов вскочил на них без всякой опоры. И только через секунду понял – сейчас рухнет. Ноги подкосятся, он потеряет равновесие и в итоге окажется на полу. Но ничего такого не произошло. Он не упал! Василий сразу вспомнил, что говорил ему журналист, и машинально посмотрел на телевизор: «Как же твоё предупреждение? Где эта ваша «страшная» жизнь?» А с экрана в это время ехидно улыбалась Баба-яга и что-то рассказывала телезрителям про Кашея Бессмертного, про сказки, про мечту. И что во все это надо хоть чуть-чуть, но верить. И, разумеется, бороться за исполнение сего. И тогда многое задуманное вами, скорее всего, сбудется.

С последними словами – а бывший инвалид это явно почувствовал – старуха обращалась именно к нему. Хорошая, добрая и совсем не кровожадная бабка, работница страны грез...

АНДРЕЙ КУДИНОВ.